

НОРВЕЙН ВЕТЕР

ОСТРОВ
ЗАБЫТЫХ ДУШ



RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
В39

Морвейн Ветер

В39 Остров забытых душ / Морвейн Ветер — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 158 с. — (Туманы Атоллы).

ISBN 978-5-517-11325-2

Атаниэль Кроу - ведьмак, агент Тайной стражи Островной Империи. Ему поручено отыскать последнюю из истреблённых во время войны чёрных чародеек. И Атэ знает где искать. След приводит его в замок его старого друга, другого ветерана войны, в темнице которого уже не один год содержат девушку, имени которой давно уже не помнит никто.

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-517-11325-2

© Морвейн Ветер, текст, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА I. (СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Атэ пригубил из хрустального кубка, изрезанного золотым узором, редкое красное вино и снова посмотрел на Калена.

— А помнишь, как мы вошли в освобождённую Астарту? Ведьмак, сидевший напротив него, улыбался. Волосы его — всё такие же чёрные и густые, как и в прошлую их встречу, падали на широкие плечи мягкой волной. Мощная грудь мерно вздымалась при каждом вздохе. Прикрыв глаза, Атэ мог расслышать, как размерено, будто колокол в обедню, бьётся сильное и молодое сердце отставного солдата. Кален улыбался, при каждом движении его губ по телу Атэ разливалась приятная нега. Атэ мог бы не один вечер молча сидеть рядом со старым другом и просто смотреть на него, не вслушиваясь в слова. При этом его суровые черты против воли разглаживались, и если бы он увидел себя в зеркале, то понял бы, что в присутствии Калена и сам становится на десять лет моложе.

— Ты нашёл себе место в новом мире, — сказал Атэ, усилив воли стирая улыбку с лица. Он в очередной раз напомнил себе, зачем пришёл, но заставить себя перейти к делу так и не смог.

— Место? — улыбка Калена стала растерянной. — Ты об этом?

Маг обвёл рукой уставленную дорогой мебелью залу. Только теперь Атэ заметил, что все предметы здесь трофейные. Его пробрала невольная дрожь. Он снова пригубил вино, но стало только хуже — будто удар молнии пронзил его от затылка до самых пяток. Он вспомнил, откуда ему знаком этот тонкий вкус — в самые последние дни, когда они с Каленом, как обычно, в авангарде наступления, вошли в замок Брен Хисалет, они нашли в тронном зале лишь мёртвое тело Марэла Асанты — одного из Семи. Молодой и красивый мужчина, которому было не

более тридцати, сидел на каменном троне, впившись тонкими пальцами в деревянные подлокотники. Лицо его иссохло, будто у столетнего старика, но голубые глаза были открыты и по-прежнему смотрели в сторону дверей — Марэл не сдал бы замок теперь, но собственная магия убила его раньше, чем армия ведьмаков.

Тогда Атэ стало тошно. Он встречал этого юношу. Он видел его на балах. Пару раз Атэ даже беседовал с ним. Он бы преувеличил, если бы сказал, что хорошо его знал. Но он помнил рыжие пряди, разметававшиеся по хрупким плечам, и улыбку на скуластом лице, похожую на проблеск пламени в ночной тьме.

А теперь он был мёртв... Ничего неожиданного. Марэл мог быть прав или виноват, но он никогда не сдавался. И он умер непобеждённым.

Атэ помнил, как схватил с одной из тумб бутылку и приложился к горлышку, не думая о том, что это вино могло стать последним спасением Марэла от плена. Он пил и пил, пока последняя капля не упала в его горло, а затем поднял глаза и увидел перед собой смеющегося Калена. В руках друга была такая же бутылка. Не допив до конца, он утёр рукавом губы и отбросил сосуд в сторону. Затем молниеносно приблизился к Атэ и, схватив его за локти, крепко сжал.

— Мы победили, — сказал Кален чётко и ясно, но, как и теперь, Атэ не слышал его слов. Перед глазами его всё стояло высохшее лицо старика, некогда звавшегося Рубином Атоллы.

* * *

Атэ с трудом вырвал сознание из когтей воспоминаний. Вечер стремительно растерял всю свою прелесть. Он медленно, стараясь преодолеть дрожь в непослушных пальцах, поставил бокал на стол.

— ... тогда была жизнь, Атэ. Тогда мы знали, за что сражаемся.

Расфокусированным взглядом Атэ посмотрел на старого друга.

Он знал Калена с юности. Едва добился назначения в самый великолепный из ведьмачьих отрядов — отряд Огненных фениксов. Атэ никогда не испытывал проблем в общении с людьми. Так же и здесь он легко завоевал внимание однополчан.

Кален был другим. Всегда один. Всегда молчалив. Теперь, вспоминая давно прошедшие годы, Атэ подумывал, что это его и привлекло.

Четыре года длилась война. Четыре года плечом к плечу, бок о бок.

Теперь Атэ смотрел в карие глаза на лицо молодого мужчины, выглядевшего на сорок лет и думал — так же изменился он сам?

Дело было не в возрасте. К этому неприятному последствию иты Атаниэль Кроу давно привык. Дело было в том, что в этих глазах поселился мрак. Мрак, который они с таким трудом пытались изгнать из сердец своих врагов.

Похоже, тот говорил уже довольно долго — он так же не нуждался в слушателе, как Атэ — в рассказчике. Опустив руку ниже подлокотника кресла так, чтобы Кален не мог видеть сжатый кулак, Атэ впился острыми ногтями в ладонь.

«Я клинок бесцветного света, — прошептал он мантру, с которой начинал каждый новый день, — моё тело — оружие света. Мой голос — голос света. Мой разум — гарда клинка».

В голове слегка прояснилось, и Атэ снова посмотрел на Калена. Он мог бы назвать то, что происходило с ним, боевым трансом, но транс этот предназначался не для сражения. Сейчас он не был ветераном войны с отступниками и не был другом Калена, он был лишь функцией, щупальцем тайной полиции, проникшим в сердце, неверное Совету Магистров. В каждом слове собеседника он видел правду и ложь, сомнение и пристрастие. Замечал каждую деталь. Отвечал то, что хотели от него слышать.

— Да, Кален, — сказал он, и лишь лёгкая певучесть в голосе могла выдать стороннему наблюдателю его состояние. Но он не

боялся быть раскрытым — его голос сам по себе стал орудием гипноза. — Война — это время, которое нам не дано забыть.

— Да, Атэ, я знал, что ты поймёшь...

Кален снова заговорил, вспоминая бордели и таверны, разбитые лагеря и стоны умирающих. Но теперь его монолог вызывал у Атэ лишь раздражение. Молча, не убирая мечтательной улыбки с губ, он дослушал собеседника и произнёс:

— А знаешь, Кален, о чем я жалею больше всего? — Атэ улыбнулся ещё шире, и в улыбке его мелькнул хищный оскал.

— О том, что не оставил себе что-то на память о той войне. Кален усмехнулся и посмотрел на друга. Взгляд его выражал какое-то странное умиление, будто только что он встретил вторую половинку своей души.

— Посмотри по сторонам, Атэ. Я помню, как мы шагали с тобой по пыльным дорогам. Здесь каждая вещь — наша общая добыча. Выбери любую.

Атэ замолчал, свежим взглядом осматривая шикарные апартаменты.

— Вещи, Кален... Вещи — ничто.

Атэ обернулся к другу и увидел, как по его суровым чертам скользнула мимолётная обида. Атэ пригубил вино и медленно облизнул губы. Тишина, повисшая в воздухе, была густой, как утренний туман над болотом.

— Я бы хотел, — он поднял перед собой руку, которую только что сжимал в кулак, и провернул в воздухе кисть с сухими пальцами, унизанными перстнями, — я бы хотел, — повторил он ещё медленнее, нараспев, — взять за горло одного из этих... — он не уточнил, о ком говорит, но Кален понял, и глаза бывшего карателя недобро блеснули. — Я бы хотел снова увидеть кровь на разбитых губах этой мрази, мольбу и страх на лице предателя.

Атэ повернулся к Калену, и в эту секунду они были схожи как братья, или, скорее, как зеркало и его человек. Хищные улыбки на тонких губах и блеск в глазах, навсегда окрашенных эликсирами в красный цвет.

Кален колебался. Атэ видел это. Атэ не торопил. Кален медленно сжимал и разжимал пальцы на дубовом подлокотнике. Кален был одинок. Он хотел поделиться своей самой сокровенной тайной, и Атэ знал это. Ещё немного — и его улыбка стала бы неестественной. Нужно было делать следующий шаг — вперёд или назад. Но Кален сдался. Он резко встал с кресла и, почти дёрнув старого друга вверх, заставил того подняться следом.

Атэ спрятал в пышном воротнике облегченный вздох.

Не решаясь отпустить рукав друга, Кален пинком распахнул дверь и потянул его за собой в глубину тёмного коридора. Атэ следовал за ним, не говоря ни слова. Несмотря на транс, сердце глухо билось где-то у самого горла. Они миновали несколько поворотов и дважды спустились вниз по винтовым лестницам. Запахло сыростью, и Атэ понял, что они оказались ниже уровня земли. После очередного поворота Кален остановился, Атэ врезался в его широкое плечо. Слегка привыкшие к темноте глаза рассмотрели контуры тяжёлой двери, обитой металлом.

— Атэ, — в голосе Калена слышалась непривычная хрипотца. Он облизнул губы и продолжил чуть увереннее: — Поклянись памятью наших братьев. Никто, ни одна живая душа не должна узнать, что ты видел.

Будь в коридоре чуть светлее, Кален наверняка разглядел бы истерический блеск в глазах друга. Тот не колебался.

— Клянусь, — выдохнул он, — клянусь могилами Сенда и Аров, что никто не узнает, куда ты меня привёл.

Он знал, что отвечает невпопад, но Кален был настолько погружён в собственные эмоции, что не заметил ничего. Сняв с груди ключ, он легко нащупал замочную скважину и дважды повернул. Замок щёлкнул.

— Помоги, — попросил Кален и навалился грудью на дверь.

Атэ не сомневался, что Кален много раз открывал её один, но это было будто причащение, будто подтверждение того, что Атэ с ним заодно — и гость упёрся руками в дверь слева от хозяина. Петли заскрипели. На секунду Атэ показалось, что визг ржавого железа сливается с другим, таким же протяж-

ным болезненным звуком, но уже в следующую секунду наступила тишина.

Тьма, царившая в помещении, была абсолютной. Её можно было резать ножом — но она слипалась бы, срасталась обратно. Атэ закрыл глаза, пытаясь преодолеть тяжёлое чувство, будто бы тьма пытается проникнуть внутрь него, пролезает в глазницы и ушные раковины. Теперь, с опущенными веками, он понял, что тишина не абсолютна. Где-то далеко размеренно ударялись о камень капли воды. Каждые две секунды.

Кап.

Кап.

Кап.

Звук был противным, как и скрип заржавевшей двери. Но это было не всё. Теперь он слышал дыхание. Своё. Калена. И не только. В камере был третий. Узник.

Атэ сглотнул, не в силах поверить.

— Посмотри, — Атэ услышал голос друга и вздрогнул. Кален говорил неожиданно мягко, с какой-то странной гордостью. Атэ медленно открыл глаза, ожидая встретить привычную уже темноту. Неяркий свет факела на секунду ослепил его. Наконец цветные круги перед глазами исчезли, и Кален медленно сделал шаг в сторону. На полу рядом с его ногами лежал, как показалось Атэ вначале, брошенный ворох чёрных тряпок. Тряпки когда-то были дорогими — некоторые даже украшали россыпи разноцветных камней. Не сразу Атэ увидел грязные, местами покрытые коркой запёкшейся крови ладони и запястья в толстых стальных наручах. Издали пальцы узника походили на крылья голубя, попавшего под телегу и распластанного на дороге — некогда прекрасные перья теперь превратились в бесполезное грязное месиво. Короткая цепь скрепляла наручи, не позволяя пленнику развести руки в стороны, и он поднял их вверх единственным защитным жестом, который мог себе позволить. При этом края наручей впились в и без того израненную кожу, заставляя кровоточить незаживающие рваные раны.

Негнушимися ногами Атэ сделал ещё один шаг. Облизнул внезапно пересохшие губы.

— Темный маг? Где ты его взял? Кален не ответил.

Атэ подошёл ещё ближе и попытался отвести в сторону ослабевшие руки пленника. Тот слабо сопротивлялся, но силы были не равны. Атэ перехватил скованные запястья ловчее... и тут же выпустил их. Его собственные пальцы стали ватными, и он с трудом смог удержать контроль. Атэ видел многое. Он сжигал в срубах вопящих беременных женщин — ещё не рождённую поросль тёмного леса. Не щадил ни детей, ни стариков. Он видел, как трое солдат насилюют мальчика-подростка, а затем один из них ставит не вошедшего в силу колдуна на колени и раскалённой кочергой выжигает ему глаза. Светлые. Тёмные. Он не помнил, кто из них кто. Шла война. И каждый имел право на месть. Но тут...

Атэ плотно сжал зубы, внезапно почувствовав, что размяк. Вновь затвердевшей рукой он рванул вверх подбородок распластанной перед ним девушки — тёмной магессы, одновременно пытаясь отвести от её лица скованные руки. Та слабо захрипела. И только теперь Атэ увидел, что шею колдуньи обнимает металлический ошейник, скованный короткой цепью с её запястьями. Стало понятно, что пленница не смогла бы подчиниться желанию Атэ, даже если бы и хотела. Но отчасти Атэ добился своего — увидел жёлтое, как высохший папирус, лицо. Щёки, нос, губы колдуньи пересекали грубо сросшиеся шрамы — будто кто-то, возможно, она сама — впился когтями в кожу на лбу и рванул вниз. Изуродованные губы имели тот же бледно-желтый оттенок. Но всё это меркло в сравнении с тем, что увидел Атэ в первую же секунду — у пленницы не было глаз.

Ровные ряды стежков навсегда сомкнули её веки.

* * *

Как и тогда, в Брен Хисалет, его охватило неудержимое желание бежать. Развернуться и нестись прочь без оглядки. Но он уже не был тем юнцом, что свято верил в непогрешимость своего командира. Даже тогда он нашёл в себе силы спрятать по-

трясение за хищным оскалом. Теперь все было проще. И, одновременно, сложнее.

«Зачем?» — хотел спросить он, но вместо этого, не выпуская из рук подбородок пленницы, повернулся к Калену и облизнул губы, выигрывая время. Транс уже спал. Атэ хотел, но не мог прочесть выражение лица друга. Гордость? Жестокость? А может, даже... любовь?

Кален в задумчивости протянул вперёд руку и легко огладил висок пленницы. Та моментально рванулась прочь, снова разрывая кожу на шее. Атэ не преминул отметить про себя, как разнится реакция пленницы на его касания и ласки Калена. Она не могла видеть пришельцев, а наручи блокировали возможность ощутить их через силу — и всё же она узнала Калена. Без сомнения.

Атэ снова сглотнул, подбирая слова.

— Лени, — сказал он мягко, нарочно используя имя, которое не произносил со времён войны, — знаешь, чего я хочу?

Кален опустил пальцы ниже, пересекая стальной ошейник, и слегка коснулся ключицы узницы. Ту крупно трясло. Атэ не сомневался, она стала бы частью стены, если бы могла.

— Лени, — повторил Атэ почти нежно, вновь обращая на себя внимание.

Кален с трудом оторвал взгляд от магессы и повернулся к Атэ. Теперь он коснулся кончиками пальцев виска гостя. Прикосновение было едва уловимым. В нём сквозила нежность отца, встретившего сына после долгой разлуки. Атэ понимал это как никто. Но он не забыл, как эти же нежные пальцы касались изорванной кожи пленницы. Кален что-то говорил. Заставив себя сконцентрироваться, Атэ осознал, что уже некоторое время крупно дрожит. Он не стал преодолевать эту невольную реакцию — он видел, что если Кален и заметил что-то, то явно понял по-своему.

— ... да, тебе я верю, — Атэ наконец разобрал слова.

— Ты оставишь меня с ней? — спросил Атэ внезапно осипшим голосом.

Лицо Калена осветила мимолётная печальная улыбка.